

ЕДИНОКРОВНЫЕ

В. М. Зимин

Виктор Зимин
Единокровные

«Автор»

2015

Зимин В. М.

Единокровные / В. М. Зимин — «Автор», 2015

Наших деток в школе замучили Муму от Иван Сергеевича. Но Муму не героиня он жертва, жертва сбрендившей прихоти барыни и угрюмо-послушного Герасима. Я Вам хочу предложить настоящих героев. Они хотя и о 4-х лапах и в шерсти, короткохвостые или длиннохвостые, но ни ума, ни благородства им не занимать, чего так не хватает тургеневской парочке. Многие наши звери одомашнили их или нет, все такие – Росомаха и Лис подтвердят вам это в «оде Камчатке»

© Зимин В. М., 2015

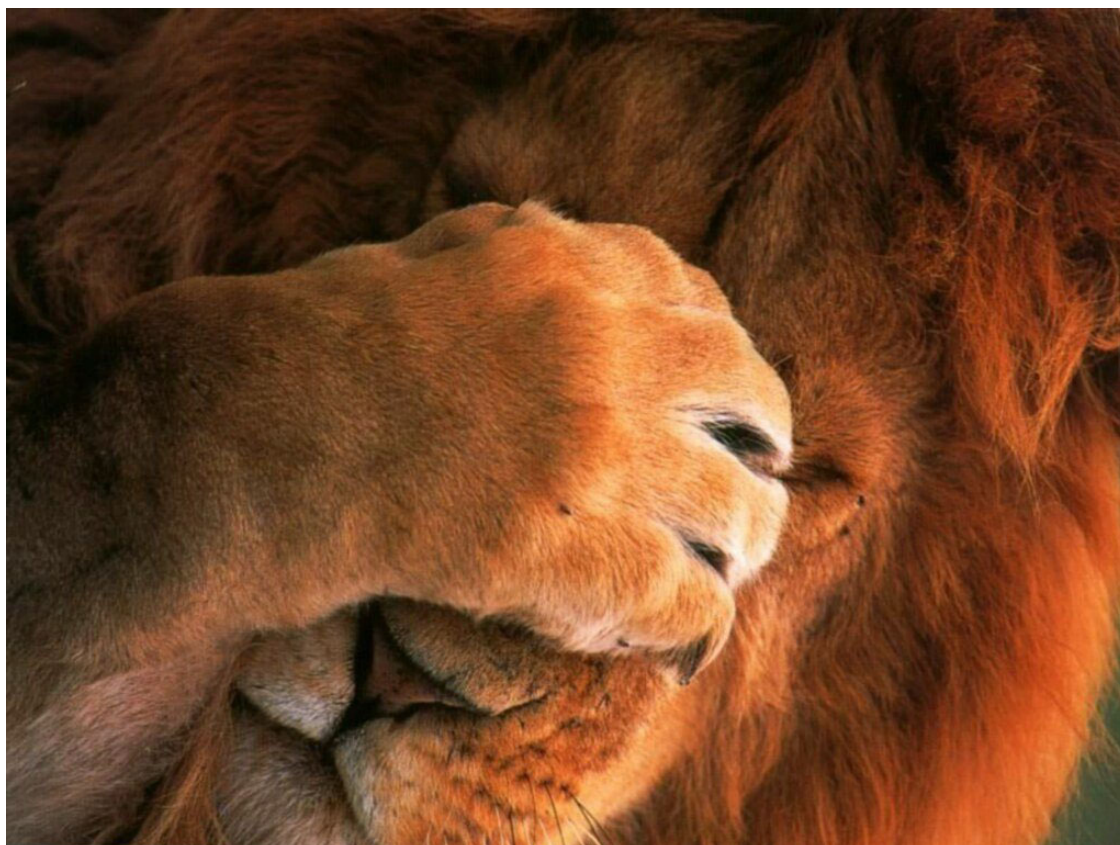
© Автор, 2015

В. М. Зимин

ЕДИНОКРОВНЫЕ

«We be of one blood, ye and I»

R. Kipling

АНГЕЛ

В моей жизни, как и у каждого, случались объятия, но только одно запомнилось на веки вечные.

Серый кот с именем Ангел забрался по рукаву, предплечью, плечу ко мне на грудь и передними лапами обнял меня за шею. Потом тихонько и мягко расправил — обвил — обернул лапы вокруг шеи и медленно сдавил... подержал несколько секунд и так же медленно отпустил. Столько всего было в этом объятии-признании, что я оторопел. «Ты что, Ангел?» поначалу, в первое мгновение не поняв, спросил я. Он лизнул мне подбородок, щеку, и ещё теснее приник и сжался в этом пространстве, сливаясь с моим телом...

Он был средних размеров, неброской наружности, серый с белым, с обычной шерстью, но котом назвать его я не могу, мне стыдно. Видно не зря я дал ему такое имя — Ангел, когда он был ещё совсем маленьким, с кулак величиной, неуклюжим и пушистым. Но в глазах уже стояла эта хрустальная чистота, это всепонимающая мудрая ясность, которая и со временем никуда не ушла. А ещё в нём была сила. И физическая тоже — взлететь на гладкий трёхметро-

вый ствол дерева и тут же снова оказаться на земле занимало у него мгновение. Но главное — в нём жила внутренняя сила, заставлявшая взрослых, бывалых, уверенных в себе котов остановиться и обойти стороной этот маленький взъерошенный серый шар, пристально, не мигая, следивший за ними открытым взглядом пары прозрачных желтовато-бледных глаз. В обычном состоянии глаза у него были серо-зелёные, по первому впечатлению серые, желтизны в них почти не было видно.

Ангела отравил сосед. Худой, длинный, хлыщеватый недоросль с мутными белесыми безумными глазами. За два года он забрал жизни троих. Сначала степенного жилистого Урса, потом веселого рыжего Мартина, такого же подвижного, как Ангел, но лёгкого, мажорного и артистичного, наконец, Ангела.

А потом, едва пережив свои двадцать лет, и сам отправился их догонять, не рассчитал дозу. Других кошек он не трогал, только моих. Наверное, из зависти к ним, наверное потому, что они были так открыты и доверчивы, никого и ничего не боялись, дышали полной грудью и откровенно наслаждались жизнью, они пульсировали ею. В нём же пульс появлялся только со шприцами.

Ничего плохого я ему не сделал, здоровался, когда здоровался он, но, каюсь, в остальном не замечал. Кажется, это и было всему причиной, он хотел, чтобы его замечали. Он трижды обворовывал меня, взламывая замки у сараев и в доме. Все соседи вокруг об этом знали, не знал только я и милиция, хотя та приходила однажды даже с овчаркой-ищейкой. Потом, когда его уже снесли на кладбище, соседка баба Надя сама всё рассказала моим дочерям.

Ангел принял смерть мученическую, но он, я думаю, его простил. А я, я все ещё не могу...

КОМПЛЕКС АЙНЫ

Айна – молодая породистая западно-сибирская лайка темного окраса, покладистая, добрая, улыбочивая и веселая. Она прибилудилась к нам в поле, прямо в маршруте у кого-то из техников. Очень усталая вышла к костру, улеглась в сторонке, потом спокойно съела всё, чем её покормили, и пришла с маршрутной группой на базу. Там она так же спокойно выбрала меня, и четыре месяца, пока мы были в поле, спала у дверей палатки и с удовольствием сопровождала меня в маршрутах.

Хорошую кровь видно сразу – Айна была деликатной и воспитанной, никогда не совалась не в свои дела и знала себе цену. В один из первых дней её пребывания в лагере кто-то из студентов, посчитав себя ей ровней, а то и выше, мимоходом пнул её, когда она лежала недалеко от костра. Айна поднялась, развернулась к нему, глянула в глаза и молча ощерилась, подняв шерсть на загривке. Потом отошла метра на три и улеглась к нему спиной. Был вечер, ужин, и почти все, кто числился тогда в отряде, были этому свидетелями. Одного урока оказалось достаточно – Айну уважали все, любили, баловали, играли с ней в игры... и тот студент тоже, зла она не помнила.

В первом же маршруте обнаружился единственный её недостаток, а с точки зрения эксперта-кинолога, специалиста по западно-сибирским лайкам, даже порок – Айна гоняла зайцев. Гоняла с голосом, как заправская гончая, азартная и вязкая. Зайцы оказались её страстью. Подняв зайца, она уносила за ним с самозабвенным, звонким и высоким лаем, бросая всё – медвежий след, след соболя, маршрут, людей... Видимо, так она к нам и прибилудилась. А нам, чего греха таить, вообще-то это было на руку. Я быстро приспособился к её гону и перехватывал зайца, не отклоняясь от маршрута, обычно уже на первом круге. Зайцев в том году было много, так что наша маршрутная группа о тушёнке почти не вспоминала...

Поле закончилось, и мы вернулись в город. Айна стала жить у меня в квартире на втором этаже двухэтажного дома, я был тогда один. Я коротко прогуливал её утром и в обед, и длинно вечером. Лайки – собаки вольные, свобода для них всё. Их нельзя держать на привязи, и даже поводок для них уже насилие. Поэтому с вечерних прогулок я возвращался один, а через час – полтора под дверью раздавалось односложное негромкое – “Гав”; если я не слышал, через пару минут снова – “Гав”. Я открывал дверь, Айна степенно входила и, благодарно лизнув мне руку, укладывалась на собственное место. Она выбрала его сама и больше не меняла, хотя здесь ей разрешалось находиться где угодно.

Всё было, в общем, нормально, правда, я боялся за неё в вечерних отлучках – под машину попадет, загуляет, далеко забежит и тому подобное. Но зайцев в городе не было, другая живность её не интересовала, а главное – Айна умела ценить то, что имела. Мы относились друг к другу уважительно, размолвок не было, и такая жизнь её устраивала...

А для меня подошло время страды – трехлетний отчет. Отчет большой, сложный и интересный. Тогда впервые в Союзе мы апробировали целый комплекс новых методов в геологии – космическую, радарную, инфракрасную съемки и обычную аэрофотосъемку в разных масштабах и вариациях. Все виды съёмок и вообще техническое обеспечение вела ЛАЭМ – Лаборатория Аэрометодов, город Санкт-Петербург (тогда Ленинград). Наше дело было оценить, что это даёт для геологии. В камералках на стенах появились тогда американские “Landsat”, обзорные космоснимки Камчатки, включая и тот знаменитый отпечаток, на котором в центре Петропавловска, рядом с кинотеатром стояло такси с отчетливо различимым номером. В Штатах такие снимки можно было купить в киоске. На Камчатку они просочились из Москвы через институт вулканологии и быстро размножились. Первый отдел ходил по камералкам, собирал снимки со стен и пытался складировать в геофонде, но мы их быстро попрятали. Мы недоумевали: “Как же так? Какая может быть секретность? Мы их не брали в 1-м Отделе...”

«Где взяли?»

«Подарили».

«Кто подарил?» цеплялся Никита, наш главный Первый. «Ах, вы не помните?.. Они хотят, чтобы мы расслабились и потеряли бдительность», учил Никита. Его учило КГБ. Так тридцать лет назад на Камчатке начиналась “глобализация”.

Новая информация, в буквальном смысле свалившаяся с неба, нас ошеломила, заново открыла нам глаза. Сейчас не очень и понятно, как мы без этого обходились раньше, вот уже более 30 лет без дистанционных методов немислимы никакие наземные исследования, тогда же все это только начиналось. Наземная заверка новых данных велась на нескольких полигонах Южной и Восточной Камчатки, включая Узон и Долину Гейзеров, тогда ещё не изуродованных туризмом. А на Узоне в том далеком 1968 году мы ждали в гости Владимира Высоцкого, но он до нас так и не добрался.

Но сейчас – отчет; народу работало много, все материалы нужно было свести и увязать, так что забот хватало. Но отчет, в общем, получился неплохой, потом он несколько лет демонстрировался в Москве на стендах ВДНХ в павильоне “Геология”. Мы этим гордились.

Всё это происходило до Айны, она присутствовала только на заключительной стадии создания отчета. Расписания, режима, восьмичасового рабочего дня давно не было, были рабочие сутки. Материалов, большей частью секретных, шло много; из-за новизны и комплексности подходов они требовали одновременного присутствия для сопоставления и тут же работы с ними. Говорю это только затем, чтобы объяснить, почему я, с молчаливого согласия 1го Отдела, работал дома, на пяти столах вдоль стен. В камералке разместиться с таким количеством материалов было бы немисливо.

В тот день в околообеденное время я надолго задержался в камералке, все мои сотрудники работали там. Часов около четырех я, наконец, освободился и пошел домой, до него всего-то двести метров. Тут я вспомнил про Айну; она тоже кормилась в урочные обеденные часы – “ничего страшного” – мелькнуло в голове, но какая-то смутная тревога оставалась, и я заторопился.

Я поднялся на второй этаж, повернул ключ в замке, помню, услышал стон внизу под дверь с той стороны, и открыл дверь. Сбивая меня с ног, вниз по лестнице скатилась Айна. Я прошел в комнату и обмер. Разложенные на столах карты были сброшены на пол – погрызены, прокушены, разорваны. Всюду валялись снимки со следами зубов. Ножками вверх в углу торчал стереоскоп. На кровати одеяло, подушка, плед были смяты в общую грудку и высились горкой посередине. Я приходил в себя среди погрома, соображая и медленно догадываясь. Потом спустился вниз. На улице, напротив входной двери в подъезд, на газоне корчилась Айна, выпрастывая последние остатки из своего желудка.

Я глядел на неё, она на меня, в её глазах не было страха, не было вины – только облегчение... потом она отвернулась. Я понял, что винить, кроме как самого себя, мне некого. Не знаю, что уж тут случилось, Айна могла терпеть долго, два часа, на которые я задержался, для неё пустяк, наверно, что-нибудь не то проглотила на прогулке.

Я пошел в спецчасть и позвал 1й Отдел домой. Спасибо Лидии Павловне, она была хорошим человеком и быстро всё поняла. Она не стала выдумывать трагедий и раздувать историй. Мы просто составили акт на списание попорченных секретов, и на этом все неприятности для меня здесь закончились. Благо в тот день дома не было оригиналов карт, одни копии на синьках, поскольку отчет размножился в шести экземплярах.

С Лидией Павловной мы пробыли в доме около часа – обсуждая событие, оценивая ущерб, договариваясь... Когда мы спустились, Айны на улице не было.

Я вернулся и долго наводил порядок в материалах, прикидывая самые короткие пути, как это поправить, сроки поджимали. Потом прибрался в доме и вышел на улицу. Уже был вечер, начало смеркаться. Я обошел наш геологический посёлок, Айны не было. Пошел по улицам, по местам, где мы обычно с ней бывали на прогулках, изредка звал её... Айны нигде не было.

Я давал объявления в газету, вешал листки на столбах, ездил на автобусе в места, про которые мне говорили, что видели там похожую собаку. Всё напрасно, Айна не вернулась.

Она и сейчас стоит у меня перед глазами. Я недолго над этим размышлял, всё было и так понятно. Я никогда не поднял на неё руку, и она, конечно, знала, что тут ей нечего опасаться; были шлепки, правда, но за дело, и она прекрасно это понимала и не возражала. Когда всё случилось, я и в горячке её не тронул, даже не замахнулся, даже слова единого не сказал, так уж разложились наши прощальные обстоятельства. Но Айна ушла. Она не могла остаться в доме, где пережила событие, едва не кончившееся для неё позором.

Я вижу, как она, почувствовав позывы, подходит и ложится у двери. Потом встает, бродит по комнатам, крутится, скулит. Желудок не унимается. Она в ярости запрыгивает на кровать, сгребает в кучу бельё и покрывало. Не помогает, желудок вот-вот лопнет. Она носится кругами и если бы не второй этаж, наверно, выставила бы окно и выпрыгнула на улицу. Она хватается всё, что попадает ей на глаза, тащит со столов карты, снимки, рвет, кусает. Только бы не треснуть постыдной кучей на полу под дверью. Это для неё нельзя, это клеймо, это позор... Наверное, она была готова умереть...

Рыцарский кодекс, кодекс чести, священное табу интеллигента – запрет на сделку с совестью, на подлость, на обман...

Как же так случилось, что люди по большей части благородство растеряли, а животные его себе оставили?..

РОСЬ

Рось была представителем начавшей тогда возрождаться аборигенной линии западно-сибирских лаек, максимально приближенной по экстерьеру и окрасу к волку. Считается, что шпицы и лайки и еще немногие представители собачьих, такие как чау-чау, произошли от волка, остальные – от шакала. Кому-то из московских умников-кинологов взбрело в голову, что западно-сибирские лайки слишком растянуты, оттого не так подвижны, как ему хотелось бы, и слишком тяжелы. Наст их не держит, они проваливаются, режут в кровь ноги, и это сокращает сроки охоты с ними по снегу. Решили поучить природу и поиграть в Создателя, начали отбор и это плохо кончилось, как водится. На свет появились облегченные квадратные

узкогрудые лайки, благородный Акела выродился почти в Табаки^{1*}. Лайки потеряли знаменитую волчью выносливость, координированность и силу. Длинный костяк дает волку свободу маневра, возможность, сместив центр тяжести, мгновенно развернуться, не потеряв устойчивости, собравшись в комок, выстрелить пружиной.

Слава Богу, всегда находятся здоровые люди. Энтузиасты вовремя спохватились, начали собственную селекцию, и в кряже западно-сибирских лаек какое-то время существовали две линии – растянутых волчьих и квадратных собак, потом последние постепенно сошли на нет.

Рось была из волчьих. Ее маму вывезли из Москвы, а хороший кобель в Петропавловске был, в предках у него ходил трехкратный чемпион породы. Я взял Рось, когда ей исполнилось 23 дня и неделю с ней на полу спал, потому что успокаивалась она только у меня подмышкой. Ко времени, когда мне нужно было ехать в поле, ей набралось почти 5 месяцев. В экстерьере она уже почти оформилась и получила «оч. хорошо» на щенячьем ринге. Дальше собаки только матеруют, добавить уже ничего не возможно, убавить – пожалуйста.

Поле в том далеком 1983 году было в самом сердце Камчатки, в междуречье Левая – Кунхилок; Левая – крупный приток Еловки, а Еловка – реки Камчатки, она впадает в нее с севера у знаменитых Щек. Отсюда, круто развернувшись на 90°, первая река полуострова катит свои неумные безудержные воды прямо на восход солнца, к устью, где за сумасшедшими баррами, поглотившими не одно судно и унесшими не одну человеческую жизнь, живет до горизонта океан – Тихий или Великий.

Река Левая названа так каким-то унылым, без фантазии, топографом. Их полно на Камчатке в самых разных ее частях – Левых, Правых, Быстрых... Как-то, ближе к вечеру к нам, во временный лагерь заглянули гости – три коряка, отец с двумя сыновьями. Они принесли в подарок полтуши оленя, мы отдарились чаем. Мы пили чай и говорили до темноты, от них я и узнал настоящее имя Лево́й, имя нежное и ласковое, – Лаливан, что в переводе означает Рыбка.

На Камчатке много медведей; по большей части они смиренные, самостоятельные и не очень осторожные; кроме человека, врагов у них здесь нет. По осени, когда вызревает ягода, они собираются на тундрах, где пасутся как домашний скот. Однажды я насчитал в пределах видимости 6 медведей, а доктор В.В. Иванов для Сторожевских тундр приводит и вовсе ошеломляющую цифру – 18. Стадо. Когда они бредут по тундре, часами не поднимая головы, они походят на коров. Рось и гоняла их как коров. Можно сказать, что в полгода она уже работала по медведю, и однажды я наблюдал, как это выглядело. По маршрутным делам я залез в один из боковых распадков безымянной речушки, а Рось осталась внизу в долине. Потом она залаяла, лай был гонный, она подняла зверя. Я выбрался из кустов и уселся поудобнее – внизу в полукилометре от меня разворачивалось живое кино. Долина была небольшой, чистенькой и открытой. Медведь средних размеров несся большими скачками, а следом стелилась Рось. Потом ему надоело драпать, он замедлился, замедлилась и она. Потом он круто осадил и развернулся к ней грудью. Рось так же круто тормознула, согнувшись колесом и оперев перед собой все четыре лапы. Их разделяло метров десять. Нагнув голову, медведь устремился в атаку, Рось отскочила в сторону. Медведь продолжил движение по прямой, перешел на шаг и, не обращая больше на нее внимания, медленно побрел к зарослям в пойме, до них было метров пятьдесят. Все это время Рось его облаивала, теперь она замолкла и огляделась по сторонам. Меня нигде не было видно, она тявкнула еще пару раз для порядка вслед уходящему медведю, повернулась и пошла меня искать...

Рось приучила меня к защищенности, и я перестал брать с собой в маршруты положенный по статусу карабин 7,62 мм, он громоздкий и тяжелый, с припасом все 6 кг. Но быть совсем безоружным там нельзя, и я носил с собой «Белку» – любимое, заслуженное оружие, приклад изрезан значками-символами в память трофеев, верхний ствол нарезной 5,6 мм, нижний гладкий 28 калибра, вес всего 2,6 кг.

Рось была собака ласковая, дружелюбная, понятливая и с юмором. Все ее любили, и дома, и здесь в поле, и все норовили как-нибудь исподтишка побаловать, несмотря на мои запреты и наказания. Она и это понимала, и из уважения ко мне равнодушно воротила нос от предлагаемого лакомого куска. Я нарочно отворачивался, она подходила к дарителю, забирала кусок и, развернувшись ко мне спиной, спокойно его съедала. Мы снова одновременно поворачивались друг к другу лицом и нам ничего иного не оставалось, кроме как дружно рассмеяться. Рось радостно скалилась и ударялась в галоп, делая круг по поляне от избытка чувств.

...Мы отработали участок и на завтра предстояло возвращение на базу. Со мной в этих маршрутах были университетские студенты-дипломники, Ильдар из Перми и Иветта из Одессы. Потом в их честь я назвал два открытых нами, ранее неизвестных выхода углекислых минеральных вод, один из них классический термальный, с травертинами. Так они в каталог и вошли – «Ильдар» и «Иветта».

После ужина я засиделся у костра за полночь, дописывая последний маршрут. Ребята давно спали в своей палатке. Спала и Рось, свернувшись в клубок, вплотную к костру, поджав бок и спину. Временами она вздрагивала и легонько поскуливала, что-то ей снилось.

Сзади послышался легкий треск, потом чуть в стороне и громче. Я глянул на Рось, она и ухом не повела, спала. Треск стал еще громче, вплотную за палаткой в темноте топтался, переминался с ноги на ногу медведь. Не знаю, что ему нужно было, он подошел неслышно и теперь его, наверно, разбирало любопытство. Я не выдержал.

«Рось!» – Она вскинула голову и почти одновременно, скорее инстинктивно, услышала и оценила этот треск. «Ай, ай, ай, ай...» – раскатистый лай, тяжелый топот медвежьих ног, треск сучьев под ним и Росью разорвали тишину. Словно поезд прошел и теперь удалялся Минут через 10 она вернулась, ткнулась мне в ноги, я ее погладил, она плюхнулась на прежнее место у костра, опять свернулась кольцом и тут же уснула. То была последняя в ее жизни ночь...

На следующее утро после завтрака и сборов, в яркий и теплый солнечный день мы вышли. Стоял конец августа. Мы шли вдоль бровки высокой 20-метровой правобережной террасы Лаливан, укрытой вековыми елями, а понизу, в долине, тундры уже готовились к осени и украшались, расцветиваясь багряным и оранжевым. Но нам было не до пейзажей. Давили тяжестью рюкзаки, они всегда такие в переходах с возвращением на базу, то и дело пропадала тропа. Это старинная тропа, показана даже на карте, но ее всю используют медведи, а в таких местах они не ходят прямо. То и дело тропа сворачивала в лес и через 20-30 метров упиралась в чашу. Мы возвращались, шли напрямиком, где-то снова ее ловили, потом она опять исчезала... обычная история. Я думал раньше, что самые тяжелые по проходимости места это участки, заросшие кедрачом, кедровым сланником. Я ошибался. Здесь, на открытых, веселых и таких приветливых местах повсюду снизу первыми росли хвои – редкие, с виду безобидные, в полметра высотой. Они сминаясь под ногой, уходили вниз, и мы брели в хвощах уже по пояс. Похоже на песок, но там нога находит в конце концов какую-то опору, тут ее почти не было, вата. «Меньше двух километров в час» – установил я по карте нашу скорость на очередном коротком привале-перекуре. Даже Роси было тяжело, и она нас бросила, найдя для себя лазейки где-то рядом, по лесу. Нам выбирать было не из чего – справа лес с густым подлеском, слева уступ террасы и под ним река; ее не везде перейдешь вброд, а она то и дело прижимается к борту – непропуски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.